

КОГДА УМОЛКНУТ ВСЕ БУБНЫ...

или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири¹

С шаманизмом русские столкнулись еще задолго до похода Ермака. Как элемент культуры сибирских аборигенов (основных поставщиков пушнины в государственную казну) он привлекал внимание русских торговых и промышленных людей, западноевропейских писателей и путешественников. Первые сведения о религии сибирских иноземцев были зафиксированы в полуфантастическом варианте в отечественных летописях и хронографах, отчетах европейцев, посещавших Русское государство.

К одним из первых письменных упоминаний о сибирских шаманах, вероятно, следует отнести сведения Сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране». Неизвестный автор в конце XV в. сообщал: «В В[ъ]сточной же стране есть иная самоедь, зовомая каменская. Облежит около Югорьския земли, а живут по гором по высоким. А ездят на оленех. А платие носят оление и соболие. А ядят мясо оление, да и собачину, и бобровину сыру ядят. А кровь пьют всякую и человею. Да есть у них таковы люди лекари. У которого человека внутри не здорово, и они брюхо режут, да нутро выимают и очищают, и паки заживляют»².

По мнению А.Плигузова, Сказание явилось одним из непосредственных результатов знаменитого похода на Югру Ивана Салтыка Травина и Семена Курбского (9 мая – 1 октября 1483 г.) и последующих переговоров об условиях мира. Эти события предоставили русским возможность длительного общения с вогулами и остяками (манси и ханты). Вполне вероятным выглядит предположение, что именно записи расспросов послов легли в основу Сказания.

Если мы примем также и предположение о том, что толмачами во время переговоров выступали коми (в документах пермской кафедры конца

---

¹ Статья написана благодаря финансовой поддержке Шведского института. Автор также выражает благодарность коллективу исторического факультета университета г.Лунда (Швеция) за предоставленную возможность познакомиться с библиотечными фондами.

² Плигузов А. Текс-Кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонавилл, 1993. С.81–82.

XV в. имеется единственное упоминание прозвища переводчика, и оно (по происхождению), то становится ясно, почему в Сказании нет подробного описания религиозных верований населения Зауралья. Толмач-ками не увидел в них чего-то заслуживающего внимания, поскольку они были такими же, как и у язычников-ками. На фоне экзотических описаний быта «дивных» народов они выглядели бы просто бледно. Единственное, что было достойным внимания, это описание шаманских чудес, которые не переставали удивлять и более искушенных очевидцев – ученых-этнографов – спустя 3 века. Сведения о сходном обряде зафиксировал В.Ф.Зуев, побывавший в 1771 г. у нижнеобских ненцев. Результатом его участия в составе экспедиции П.С.Палласа стало подробное этнографическое описание хантов и ненцев Березовского уезда. Во время путешествия по стойбищам в низовьях Оби В.Ф.Зуев неоднократно слышал рассказы об искусстве шаманов от сибиряков-ненцев и русских и счел необходимым пересказать их в главе, посвященной шаманизму. Не без некоторого сомнения исследователь писал: «...осмелюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобоверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впусая по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно»³.

Естественно, что шаманские обряды и искусство производили достаточно сильное впечатление на русских, только что пришедших в Сибирь. Чужая страна и природа были полны загадок, страшили своей неизвестностью и непредсказуемостью. В 1608 г., например, все население Томска от крестьян и до воевод трепетало от известий, принесенных стрельцами Федором Серебренником «с товарищи». Они сообщили в съезжей избе, будто странная тяжелая болезнь, которая «учинилась... в Томском городе над служилыми надо многими людьми и над женками», происходит оттого, что «татарин Иванка новокрещен ходит по татарским юртам ворожить, и в бубен бьет, и шейтанов призывает»⁴. Новокрещена тут же изловили и подвергли расспросу. На пытке он рассказал, что действительно «напускал шейтанов» на служилых людей и делал это по велению кузнецких и чюлымских татар, которые прислали ему для этого с Кузнецка «многих шейтанов»⁵.

---

³ Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771 – 1772). М.; Л., 1947. С. 46-47.

⁴ РИБ. Т. 2. № 82. С.179.

⁵ Там же.

В XVI и XVII вв. этноним «татары» распространялся на те народы Сибири, которые не были достаточно хорошо известны русским. В Томском уезде большинство аборигенного населения было представлено селькупам и сибирскими татарами⁶. Слово «шейтан», или «шайтан», было давно известно русским благодаря контактам с кыпчаками, казахами, киргизами и татарами и означало «черт»⁷. Понятие «шаман» появилось, видимо, чуть позднее, когда русские проникли в районы расселения эвенков. Именно у них и был заимствован этот термин⁸. К середине XVII в. слово «шаман», возможно, уже вошло в обиход русских сибиряков, во всяком случае, протопоп Аввакум употребил слово «шаманить» в своем Житии, и это самое раннее точно зафиксированное использование слова. Во время ссылки в Сибирь (сентябрь 1653 – весна 1664 г.) Аввакум стал свидетелем того, как воевода Афонасий Пашков отправлял своего сына Еремея «Мунгальское царство воевать». Боясь за исход похода и за судьбу сына, воевода, по словам Аввакума, «заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой?»⁹.

Протопоп довольно подробно описал сам обряд, что говорит о том, что он либо лично на нем присутствовал, либо самым тщательным образом расспросил очевидцев. Приведем этот отрывок из Жития полностью. «Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волховать, вертя его много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили его, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуясь говорят «богаты приедем!»¹⁰.

Реакция воевод и остальных участников события явно свидетельствовала о том, насколько серьезно они относились к предсказаниям шамана. Переселяясь в Сибирь, русские оказывались в необычных для себя условиях, и неудивительно, что, попадая в экстремальные ситуации, они искали выход в использовании опыта и, следовательно, элементов религии коренных жителей, адаптированных к жизни в этих условиях. Что в этой истории вызывает удивление, так это то, что не менее серьезно к предсказаниям шамана отнесся и опальный протопоп. В Житии Аввакум записал, что после шаманского камлания ему было так горько, что он «пастьерь худой

⁶ См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. Ин-га этнографии. М., 1960. Т.55. С.96.

⁷ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.IV. М., 1973. С.395.

⁸ Там же. С.401.

⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С.40.

¹⁰ Там же.

погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии... сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, парю небесный, свет, послушай мене! да не возвратится вспять не один от них, и гроб им там устроиши всем! приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил»¹¹.

И действительно, сбылись слова Аввакума. Войско (72 казака и 30 иноземцев) «было побито без остатку». Чудом спасся только один сын воеводы Пашкова – Еремей¹².

С начала интенсивной колонизации Сибири в XVII в. увеличился и интерес к религии коренного населения. Именно интерес к религии и духовным ценностям (вызванный, без сомнения, чисто прагматическими целями), а отнюдь не стремление обратить язычников в православие любой ценой. Более того, в отношении коренных народов была постепенно выработана политика веротерпимости, которая выразилась в следующих мероприятиях правительства: запрете использования насильственных методов крещения; запрете разорять священные места и кладбища сибирских аборигенов, отсутствии целенаправленной миссионерской деятельности в отношении язычников¹³.

Такая политика в отношении христианизации народов Сибири сохранялась вплоть до конца 90-х гг. XVII в. Оставим, однако, на время сибирских язычников и шаманов и обратимся к тому, что происходило в это время на севере соседнего государства – Швеции.

По мере того как русские поселенцы все глубже проникали в Сибирские земли, шведы начали более активное продвижение в Лапландию – районы расселения коренных жителей севера Швеции, Норвегии, Финляндии и Карелии – саамов. Саамы («лопари» в русских источниках, «лаппы» и «лапландцы» – в европейских) – народ, родственник хантам и манси в языковом отношении. Так же как у хантов, манси и ненцев, хозяйство саамов основывалось на охоте, рыболовстве и разведении оленей. В представлениях саамов, как и других народов Приполярья, вся природа была населена духами, был распространен шаманизм. Лопари поклонялись многим богам и выработали сложные ритуалы, в которых основным атрибутом был бубен¹⁴.

---

¹¹ Житие протопопа Аввакума... С.41.

¹² Там же. С.42.

¹³ См.: Главацкая Е.М. Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в.// Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1994. Екатеринбург, 1995. С.23–32.

¹⁴ См.: Bäckman L. and Hultkrantz Å. Saami Pre-Christian Religion// Stockholm Studies in Comparative Religion 25. Stockholm, 1985.

XVII в. стал переломным в отношениях шведов и саамов во всех областях жизни, не исключая и духовную. Король Швеции Карл IX был первым, кто всерьез занялся христианизацией саамов. Его целью было Северное море, и создание приходов в северных районах стало средством утверждения претензий на земли саамов, в которых обнаружили значительные залежи серебряной руды. Уже в 1606/07 г. в районах проживания саамов появились многочисленные церкви и викарианства. В них были назначены священники, которые должны были постоянно там жить и своим присутствием и «цивилизующим влиянием» способствовать отказу саамов от «языческих предассудков»¹⁵.

Другим важнейшим средством распространения христианства стали школы и система образования. На языке саамов были изданы первые учебники и священные тексты, хотя качество переводов было неудовлетворительным, и книги оказались фактически бесполезными. Решено было также подготовить священников из числа самих аборигенов, и в 1606 г. в Уппсале (Швеция) было насильно вывезено 16 юношей-саамов для изучения теологии. При этом часть сумела сбежать по дороге, что касается оставшихся, то их «дикие манеры» и пьянство мало способствовали делу распространения новой религии¹⁶.

Знакомство саамов с христианством происходило в основном в школах и благодаря активной деятельности пасторов на протяжении всего XVII в. Конечно, саамы продолжали оставаться политеистами, и, как политеисты, они легко включали в свой пантеон еще одного, христианского, бога и поклонялись ему с не меньшей почтительностью. В результате сложилось мнение (во многом благодаря исследованию Джона Шеффера, опубликованному в 1673 г.) о том, что христианство, как вторая религия, утвердилось среди саамов, хотя и остались некоторые пережитки язычества¹⁷.

Поэтому молодой король Карл XI испытал нечто вроде шока, когда узнал, что, несмотря на все усилия миссионеров, язычество несколько не ослабело в среде саамов. Его жесткая критика в адрес нерасторопного духовенства вызвала всплеск активности в конце 1680–90-х гг., нацеленной на разрушение священных мест саамов и наказания шаманов¹⁸.

Одной из причин, почему идолопоклонство продолжало существовать в Лапландии, было то, что шведы, в том числе и пасторы, смертельно боялись магии лапландских «колдунов». В 1671 г., например,

¹⁵ *Fur G. Saami and Lenapes meet swedish colonizers in the Seventeenth century //Readings in Saami History, Culture and Language III.* Edit. Roger Kvist. Umeå, 1992. P.47.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Scheffer J. The History of Lapland wherein are shewed the Original, Manners, Habits, Marriages, Conjurations, etc. of that People written by John Scheffer, professor of Law and Rhetoric at Upsal in Sweden.* Oxford, 1674. P.24-44.

¹⁸ *Fur G. Saami and Lenapes...* P.48.

80-летний саам Айке Айкенсон был обвинен в том, что он убил с помощью колдовства шведского крестьянина, который не заплатил ему за работу. Суд приговорил «колдуна» к смерти, но он сумел избежать казни, прибегнув «с помощью магии» к самоубийству. Считалось, что саамы также обладают даром ясновидения, могут убивать людей на расстоянии, превращать их в волков¹⁹.

С конца XVII и до середины XVIII вв. борьба между языческой религией саамов и христианством фокусировалась вокруг основного ритуального предмета – шаманских бубнов. Для саамов бубны были символом их культуры, тем, чему угрожало христианство и что нужно поэтому спасти. Для церкви бубны были символом саамского язычества, безусловным злом, которое должно было быть уничтожено. Поэтому именно на бубны церковь перенесла центр тяжести борьбы за души саамов. В конце XVII в. в шведских судах было проведено большое количество разбирательств о бубнах. В 1671 г., например, «колдунов» обнаружили в Кеми (район на севере Финляндии), их заставили выдать бубны, которые тут же предали огню²⁰.

Естественно, что саамы пытались спасти бубны разными средствами. Прежде всего, конечно, старались спрятать их, правда, как видим, не всегда успешно. Отчаянная попытка была предпринята одним из саамов, получившим образование сначала в школе, а потом в консерватории. Он подал прошение на имя короля Швеции, в котором, в частности, просил не отбирать у соплеменников бубны, поскольку они якобы пользуются ими вместо компасов и без бубнов не смогут найти дорогу домой²¹. Естественно, что это сообщение не вызвало доверия в шведском правительстве, и просьба была отвергнута.

Со второй половины 1680-х гг. на территории Финляндии и Швеции развернулась настоящая охота за лапландскими бубнами. Наказания за хранение и использование бубнов все ужесточались, саамов уговаривали сдать все бубны в местные суды. Несколько человек, отказавшихся сдать бубны и идолов, были взяты под стражу и посажены в тюрьму²².

Трагично сложилась судьба финского саама Ларса Нильсона. Сначала, под влиянием настойчивых уговоров, он, как и другие, сдал свой бубен. Однако спустя некоторое время в доме случилось несчастье: у Ларса погиб сын. В отчаянии он обратился к обычаям предков и пытался оживить сына с помощью бубна. За использование бубна его вскоре судили. На

---

¹⁹ *Fur G. Saami and Lenapes...* P.51.

²⁰ *Rydving H. The Saami Drums and the Religious Encounter in the 17th and 18th Centuries // The Saami Shaman Drum. Abo, 1988. P.30.*

²¹ *Ibid. P.31; Fur G. Saami and Lenapes...* P.51.

²² *Rydving H. The Saami Drums...* P.32.

суде несчастный сказал, что и впредь будет обращаться к обычаям предков, несмотря на запреты. Суд приговорил Ларса Нильсона к смертной казни, и он был сожжен вместе с деревянными идолами и священным бубном, который использовал во время обряда в присутствии своих соплеменников²³. Это был единственный случай применения смертной казни в борьбе с язычеством саамов. Безусловно, основная цель этой акции – предупреждение о серьезности намерений правительства бороться со всякими проявлениями дохристианских религиозных верований лапландцев. И вероятно, это также был отголосок «охоты на ведьм», докатившийся с опозданием и до северных краев Европы.

После 1688 г. христианизации саамов уделялось мало внимания. Предполагалось, что после столь интенсивной борьбы с бубнами их использованию положен конец, и саамов с этого времени считали добрыми христианами. Иллюзии были разрушены только в 1723 г., после того как норвежский миссионер Томас фон Вестен, посетивший край, открыл правду шведскому духовенству о том, как обстоят дела в действительности. В результате было схвачено несколько саамов, которые признались, что действительно пользуются бубнами, чтобы узнать об успехе предстоящей охоты, поездки, рыбалки. Поскольку они были слишком молоды и не могли присутствовать на публичной казни 1688 г., то наказание было мягким: штраф, показательная порка и сдача бубнов²⁴.

В результате всех этих событий вокруг бубнов у саамов района Луле в Швеции появилась любопытная периодизация собственной истории, замешанная на реальных исторических событиях, обросших мифологией. Эпоха до начала интенсивной христианизации была названа «время бубнов». Эпоха, которая сменила ее, для саамов стала «временем, когда надо было прятать бубны». В районе Кеми эта эпоха наступила уже в 1670 г., в Пите – в 1690 г., в Уме – в 1720 г.²⁵

Однако чувства, возникавшие при встрече с другой религией, не исчерпывались только страхом и стремлением преодолеть ее. Среди людей всегда присутствовало и обычное любопытство ко всему новому. И в этом тоже можно найти много параллелей у шведских и у русских христиан.

Начнем со шведов. Первая публикация по этноистории саамов вышла в 1673 г. на латинском языке. Ее автор – профессор Джон Шеффер – преподавал право и риторику в университете Уппсала. Книга называлась «История Лапландии, в которой описываются происхождение, обычаи, нравы, брак, колдовство и т.д. ее народа». В предисловии к английскому изданию, вышедшему год спустя, автор сообщил, что работал по заданию и при поддержке канцлера Швеции. Шеффер использовал широчайший круг

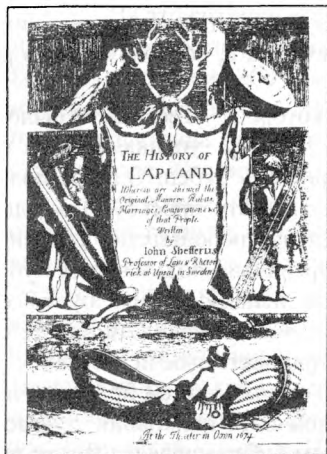
²³ Rydving H. The Saami Drums... P.32.

²⁴ Ibid. P.33.

²⁵ Ibid. P.34.

источников: подлинные документы, работы историков и сведения, полученные от самих лапландцев, с которыми он имел возможность встретиться.

Шеффер был потрясен тем, что он узнал о Лапландии. «Именно здесь, а не в Америке, – писал ученый, – мы открыли Новый Мир: и нелепые выдумки вокруг этих северных стран нельзя не простить... действительность не менее удивительна и невероятна»²⁶. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом и со времени своего появления до сих пор остается для исследователей одним из важнейших источников по этнографии саамов XVII в.

Титульный лист из английского издания 1674 г. книги Джона Шеффера «История Лапландии»

отправляется на север за лапландскими «курьезами», Магалотти от имени герцога Тосканского попросил приискать и для него недостающие экспонаты. В письме Шефферу Магалотти сообщал, что у него уже собрана лапландская одежда, обувь, варежки, шапка и даже бубен с колотушкой. Чего не хватало в Тоскане, так это кольца для бубна, лука, нескольких стрел, пары лыж и изображения божества лапландцев²⁷.

Лапландские бубны фактически стали предметом экспорта в XVII – XVIII вв. Миссионеры и путешественники десятками вывозили их из Лапландии на продажу в частные коллекции по всей континентальной Европе. В 1795–96 гг. бубен посылали кардиналу Борджиа, но то ли

Работа Шеффера сразу пробудила огромный интерес к экзотическим лапландцам по всей Европе. Она стала свособразным бестселлером в 70-х гг. XVII в., и в течение 10 лет была переведена и опубликована на 5 языках, удовлетворив потребности практически всей читающей Европы: в 1673 г. – на латинском; в 1674 г. – на английском; в 1675 г. – на немецком; в 1678 г. – на французском и в 1682 г. – на датском.

Любопытно то, что экзотические саамы северных окраин Европы вызвали совершенно особый интерес в Италии – оплоте западного христианства. Вскоре после появления работы Шеффера в Стокгольм прибыл агент великого герцога Тосканы – Магалотти – для сбора лапландских диковинок, или выражаясь современным языком, этнографических экспонатов. Узнав о том, что Шеффер

²⁶ Scheffer J. The History of Lapland... P.[3–4].

²⁷ См.: Pentikäinen J.Y. The Saami Shamanic Drum in Rome // Saami Religion. Abc, 1984. P. 134.

потеряли, то ли он был украден в Бресте. Еще раньше, в 1705–06 гг., шведский архитектор Николемус Тессин Младший – автор королевского дворца в Стокгольме – отправил бубен во Флоренцию. Тессин был другом молодого шведского короля Карла XII и тем человеком, который помогал ему собирать коллекцию предметов искусства советами и реальными делами. Карл мечтал иметь полное собрание работ французского графика Жака Колло, и ему было известно, что интересующие его офорты находятся в коллекции герцога Тосканы. Было решено обратиться прямо во Флоренцию, но дело это было деликатное, и Тессин выработал особую тактику. Он решил передать великому герцогу в качестве упреждающего подарка лапландский бубен, зная, очевидно, какие итальянцы до них охотники. В качестве посредника для передачи бубна и, возможно, гравюр был выбран шведский посол в Париже²⁸.

Для начала требовалось добыть бубен, которого у Тессина не было, и он отправил письмо полковнику Густаву Дугласу, управляющему в одном из лапландских районов, с просьбой прислать бубен. Однако полковник Дуглас умер в 1705 г., не успев выполнить эту просьбу. Так или иначе Тессин получил свой бубен в 1706 г. Однако любопытство флорентийцев пошло дальше. Они хотели знать, как правильно пользоваться бубном. Тессин обещал выслать инструкцию по использованию бубна с ближайшим кораблем. Однако флорентийцы попросили прислать вместе с бубном лапландца, который бы мог продемонстрировать свое искусство²⁹.

Раз начавшись, неудачи преследовали Тессина на всем протяжении воплощения затеи. Сначала скорострительно скончался полковник Дуглас, которому было поручено найти бубен, потом сам бубен порвался где-то на пути из Лапландии в Стокгольм. Наконец все было готово и даже нашли лапландца для посылки во Флоренцию. Но и тут не обошлось без проблем. Дело в том, что в Париж, откуда его должны были сопроводить в Италию, лапландец прибыл раньше бубна и, каким-то невероятным образом, раньше переводчика. В октябре 1706 г. шведский посол в Париже сообщал Тессину о непотребном поведении и склонности лапландца к выпивке. Переводчика с бубном прождали в Париже, по крайней мере, еще 2 месяца³⁰.

Очевидно, эта история все-таки окончилась успешно: план хитроумного Тессина сработал, и великий герцог Тосканы получил возможность насладиться звуком лапландского бубна и, быть может, даже в исполнении настоящего лапландца. Во всяком случае, гравюры, столь желанные, были получены Карлом XII и находятся в Национальном Музее в Стокгольме.

А теперь снова вернемся в Россию.

²⁸ Pentikäinen J.Y. The Saami Shamanic Drum in Rome. P.125.

²⁹ Ibid. P.126.

³⁰ Ibid. P.127.

Правительство России тоже было не чуждо любопытства, и ему не было безразлично, какой веры придерживалось население присоединенных территорий, насколько хорошо оно было знакомо с христианством. С этой целью в 1667 г. по приказу верхотурского воеводы Петра Ивановича Годунова был проведен чрезвычайно детальный опрос сотников ясачных волостей о том, что они знают о христианстве, во что верят, кто и как у них «ворожит» и «волхвует», «... есть ли у них болваны», «... чего просят у тех болванов... и что молитва их и слова? И как ставят их и сами перед ними стоят, и есть ли попы или подобное что тому, или иные какие на то устроенные избранные из них люди, какого сану?»³¹

На это сотники ясачных волостей Верхотурского уезда, привлеченные для «расспроса», отвечали, что «верят в шайтана и молятца ему, пад на колени, смотря на небо кланяютца в землю... и шайтаны у них ... из серебра и из меди... с... рожами». А веруют они, «как веровали отцы их и деды... А просят у шайтана здоровья и из лесу добычи... А молятца де у них которые старые люди, а не молодые. А выбранных на то людей нет...»³²

Результаты опроса в XVII в. никакого изменения в политику Москвы в отношении религии сибирских аборигенов не внесли. Страна все еще шла своим путем, и практика сжигания священных жертвенных деревьев и языческих богов оставалась в далеких XIV и XVI вв. и не распространялась восточнее Уральского хребта³³. Очень незначительное число аборигенов приняло с той или иной степенью искренности христианство, большинство же оставалось язычниками фактически до конца XVII в. Однако интерес к сибирским народам продолжал нарастать, приобретая все более прагматический характер. И в 1696 г. выходит указ о снятии чертежа Сибири с указанием на нем городов, селений и народов³⁴; появляются работы С.У.Ремезова «Описание народов Сибири» и «Чертежная книга Сибири».

В самом конце XVII в. Петр I издает любопытный указ, запрестивший инициировать крещение аборигенов кому бы то ни было, кроме священников, и это стало своеобразной прелюдией к последующей смене политики Москвы в отношении религиозных верований народов Сибири. Переломным явился, вероятно, 1697 г. Этот год был особенным: началось Великое посольство, и Петр I открыл для соотечественников и, в первую очередь, для себя Европу, став первым в истории России правителем, посетившим зарубежные страны. Дипломатия, как известно, была официальной, но не главной задачей посольства. В сочинении

---

³¹ Главацкая Е.М. Русская власть и коренное население... С.29-30.

³² Там же.

³³ Имеется в виду деятельность Стефана Пермского и Трифона Вятского по обращению язычников в православие. См. отрывки Житий в кн.: На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах). Екатеринбург, 1996. С.140-154.

³⁴ ПСЗ. Т.3. № 1532.

П.П.Шафирова о внешней политике России, которое в рукописи читал и дополнял сам Петр, указывались три основные цели путешествия царя в Европу: видеть политическую жизнь Европы; по примеру европейских стран устроить свое государство в политическом и особенно воинском порядке; своим примером побудить подданных к путешествиям в чужие края, чтобы воспринять там добрые нравы и знание языков³⁵. Сам Петр был очень восприимчив. В Амстердаме он посетил театр, и вскоре в Москве по его приказу тоже был создан театр; Петр и его сотрудники регулярно покупали и прочитывали выходившие в Голландии газеты. В Англии Петр охотно встречался и вел долгие беседы с епископом Бернетом – одним из образованнейших представителей англиканской церкви. Он посещал молитвенные собрания квакеров в Дептфорде. Вполне вероятно, что эти встречи укрепили царя в мысли о необходимости изменить отношения государства и церкви в России и подсказали основные направления реформ. Петр активно посещал и осматривал музеи, библиотеки, поражавшие количеством книг, побывал в лабораториях Оксфордского университета. Прибыв в Дрезден 1 июня 1698 г., царь в первом часу ночи пожелал осмотреть королевскую кунсткамеру, где оставался до рассвета, и на следующий день вновь отправился туда³⁶.

Вполне вероятно, что, попав в Европу в период ее увлечения лапландскими курьезами, Петр мог видеть книги о лапландцах или некоторые из предметов их культуры в многочисленных библиотеках и музеях, которые посещал. Кроме того, в Амстердаме Петр знакомится с Николаем Витзеном, ставшим своего рода опекуном Великого посольства. Научные интересы Витзена были связаны с изучением языков, обычаев и нравов народов, населявших Восточную Европу. Витзен происходил из богатой голландской семьи, получил прекрасное образование и, как и многие его современники, увлекался малоизвестными странами Севера и Востока. Присоединившись как частное лицо к голландскому посольству в 1664 г., Витзен проехал Россию до берегов Каспийского моря. На основе сведений, собранных во время этой поездки, он в 1692 г. опубликовал книгу «Noorden-Oost Tartarye»³⁷. Под Татарисей Витзен подразумевал земли от Каспийского моря до берегов Тихого океана. Книга представляет собой сборник географических, этнографических и лингвистических сведений, в том числе и этнографическое описание Западной Сибири – района расселения манси и хантов, от которых казна регулярно получала соборей для осуществления российской дипломатии. Кстати, и само Великое посольство везло с собой в качестве дежурного подарка и двигателя

³⁵ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С.65.

³⁶ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С.78.

³⁷ Пылин А.Н. История Русской этнографии. Т.IV: Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С.213.

переговоров большое количество пушнины, но все же, видимо, недостаточное. Во всяком случае, приехав в Вену, Великое посольство никак не могло начать официальные переговоры, поскольку не было торжественной аудиенции у императора, а она, в свою очередь, оказалась невозможной, поскольку забыли привезти с собой собольи шкурки. В результате посольству пришлось ждать, пока дворянин Борзов привезет их из Москвы. Тем временем из Москвы пришло известие о бунте стрелецких полков, и Петр вообще вынужден был вернуться на родину, так и не будучи принятым императором Леопольдом I³⁸.

Логично предположить, что Петр мог беседовать с Николаем Витзенем о предмете его научных интересов. От него он мог узнать и о том, что христианская Швеция просветила язычников-саамов. Быть может, именно тогда у Петра возникли мысли и о миссии России в отношении многочисленных народов, обитавших на ее северо-восточных окраинах.

Во всяком случае, впервые вопрос о целенаправленном крещении народов Сибири был поднят уже в 1700 г. Петр снял сибирского митрополита Игнатия и велел подобрать другого, «не только доброго и благого жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, Божиею помощью исподволь, в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога»³⁹. В результате в 1702 г. в Сибирские митрополиты был хиротонисан Филофей Лещинский. Но все же, вероятно, Петру было любопытно и то, с кем конкретно предстояло вести спор о вере православным миссионерам. В 1702 г. он послал указ березовскому воеводе: «... к будущей зиме 1703 г. послать в Москву трех или четырех человек шаманов, которые бы совершенно шаманить умели... вести их бережно и велеть им взять с собою, что к тому шаманству надобно и их не страшать, а сказать, что им будет... жалованье»⁴⁰. (Здесь сразу приходят на память злоключения лапландца в Париже.) Березовский воевода, однако, на это ответил, что «в нынешнем 1703 г. января 3 ясачный зборщик привез в Березов двух самоедских шаманов и они в съезжей избе были допрошены, какое за ними есть шаманство. И те шаманы в бубен били и кричали, а иного... шаманства за ними нет никакого. И я к Москве послать их не посмел чтоб в проезде от Березова до Москвы тех шаманов в кормех и подводах... казне лишней истраты не было, а в других волостях шаманов не сыскано»⁴¹. Из Москвы воеводе гневно указали, что он был неправ, не послав шаманов, и если

---

³⁸ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. С.111.

³⁹ ПСЗ. Т.3. № 1618.

⁴⁰ Цит. по: *Иринарх (Яхонтов)*. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии 1032--1910 // Православный благовестник. М., 1912. С.86.

⁴¹ Цит. по: Там же.

впредь не придет «ради своих каких отговорок, то на нем будет доправлена пеня».

Вероятно, во время Великого посольства Петр узнал также и о деятельности миссионеров Швеции по переводу текстов Священного писания на язык саамов, по организации школ, обращению язычников и почувствовал, что и на России лежит подобная миссия. Быть может, и до Петра при Московском дворе знали о формах миссионерской деятельности в Лапландии, но именно Петр пошел на коренные изменения в политике в отношении религиозных верований сибирских аборигенов по «шведскому» варианту.

Как бы то ни было, еще в 1697 г., находясь в составе Великого посольства, Петр издает указ открыть в Тобольске школу для подготовки местного духовенства. Школа была открыта осенью 1701 г. князем М.Я.Черкасским для обучения «поповских, дьяконских и церковных причетников детей словенской грамоте», дабы, «выучась и удостоясь в чин священства, народ учить» и заниматься миссионерской деятельностью⁴².

В тобольской школе обучались и дети «ясачных иноземцев» (ханты, манси, ненцы), а в 1706 г. Филофей предложил Петру издать указ о том, чтобы «...свободно, без всякого страха неверным, которые... к христианской вере обращаются и ребяток у них взять десяток и другой на Березове и учить их Божественного писания»⁴³. При Ф.Лещинском были созданы миссионерские школы в Верхотурском и Кондинском монастырях⁴⁴.

Что касается миссионерской деятельности, то она тоже была инициирована Петром, и тоже вскоре после возвращения из Европы. В конце 1706 г. появился первый петровский указ о массовом крещении северообских народов. Указ повелевал митрополиту Филофею ехать по юртам, жечь языческих идолов, на месте кумирниц строить церкви и часовни и всех крестить «от мала до велика»⁴⁵. Однако, хотя указ и был жестким по форме, никаких сколько-нибудь серьезных последствий для сибирских аборигенов он не имел. Филофей действительно снарядил миссионерскую экспедицию к березовским хантам, но им не составило большого труда выпроводить посланников Филофея со своей земли⁴⁶.

В 1711 г. князь М.П.Гагарин привез в Сибирь царский указ, в котором митрополиту Федору (Филофей принял великую схиму и новое имя –

⁴² *Шашков А.Т.* К истории первой светской школы в Сибири // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С.8.

⁴³ *Акишин М.О.* Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С.116–117.

⁴⁴ *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С.264.

⁴⁵ *Осрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. С.26.

⁴⁶ *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С.264.

Федор) повелевалось крестить вогулов и остяков, «идолы огнем палить и рушить и капища их разорить». В указе также говорилось, что «иноверцам», которые не захотят креститься, «будет казнь смертная»⁴⁷. Конечно это противоречило самому духу христианства, но вполне укладывалось в схему крещения Петра. Любопытно, что этим указом Петр фактически вынудил Федора покинуть Тюменский монастырь ради выполнения миссии.

При поддержке губернатора М.П.Гагарина схимонах Федор крестил березовских остяков во время экспедиций 1712, 1713 и 1714 гг.; пельымских вогулов – в 1714 и 1715 гг.; в 1716 и 1718 гг. – сургутских остяков; в 1717 г. он ездил крестить язычников Нарымского и Кетского уездов; в 1719 г. – в Мангазею, а в 1719 и 1720 гг. – в Иркутск и за Байкал⁴⁸.

«Сибирский апостол», как позднее называли схимонаха Федора, и его последователи ревниво выполняли свою христианскую миссию. Языческие боги, которым сибирские народы поклонялись, приносили жертвы и с которыми связывали свое благополучие, разделили печальную судьбу лапландских бубнов. В 1722 г. священник Михаил Степанов сжег 75 «кумирниц со идолами»; в 1723 г. в Березовском уезде русской администрацией были отобраны и сожжены 1200 деревянных и 5 железных «идолов».

К делу просвещения сибирских народов активно привлекались пленные шведы. Это тем более удивительно, что не все они приняли православие. Быть может, Петр как-то рассчитывал на их усердие, имея в виду, что именно шведам удалось привести к Богу язычников Лапландии. Во всяком случае, в ближайшем окружении схимонаха Федора во время его миссионерских экспедиций был пленный швед – капитан Иоганн Бернгард Мюллер. По возвращении в Европу он подготовил и издал в 1720 г. работу «Жизнь и привычки остяков»⁴⁹.

О том, какой интерес книга вызвала в Европе, говорит тот факт, что уже в следующем году она была издана на английском языке. В отечественной литературе принято считать, что Мюллер воспользовался рукописью Григория Новицкого, сосланного в Сибирь украинского казачьего полковника, служившего на стороне Мазепы⁵⁰. (Новицкий также принимал участие в миссионерских экспедициях Федора и подготовил работу «Краткое описание о народе остячком», которая была опубликована только в 1884 г. Сам Новицкий впоследствии был назначен надзирателем за

---

⁴⁷ Акиншин М.О. Полицейское государство... С.121.

⁴⁸ Там же. С.129–130.

⁴⁹ Müller I.B. Leben und Gewohnheiten der Ostjaken. Berlin, 1720.

⁵⁰ Пытин А.Н. История Русской этнографии... С.221–223; Акиншин М.О. Полицейское государство...С.122.

новокрещенными остяками и убит кем-то из них во время одной из инспекционных поездок.)

Нам кажется, что это утверждение требует дополнительной тщательной аргументации. Учитывая богатую традицию подобного рода литературы в Европе и спроса на нее, а также то, что капитан Мюллер лично участвовал в поездках по стойбищам сибирских народов и посвятил свою работу царице Екатерине, мы можем допустить, что это вполне могло быть и самостоятельное произведение шведа и даже, быть может, подготовленное по чьему-то приказу.

Вызывает любопытство и тот факт, что надзирателями за новокрещенными вогулами и остяками также часто ставили пленных шведов, которые, вероятно, ревностно выполняли возложенную на них миссию. В 1723 г. надзирателем Ф.Лещинского был назначен пленный швед Карп Андреев, а в 1725 г. к нему присоединился поручик Кирилл Берх⁵¹. В 1742 г. ясачные подведомственных Карпу Андрееву волостей жаловались, что он «чинит грабительства» и «по охоте своей, а паче для корысти ездит и в протчия другие волости... будто для сыску у них в непостоянстве их шайтанов, которых уже они по восприятии христианской веры издавна от них отставлены и имеют у себя божии образа»⁵².

Согласно официальной статистике, за первую четверть XVIII в. в Сибири было крещено до 40 тысяч язычников, однако новокрещены продолжали втайне поклоняться своим богам и совершать те же ритуалы, что их деды и прадеды. И в XIX в. местные священники вздрагивали от ударов шаманского бубна, доносившихся из леса.

Несмотря на активную миссионерскую деятельность и жестокое подавление в условиях атеистического государства, основные элементы своей религии аборигены Сибири сохранили до нашего времени. Эти народы небольшие или даже просто малочисленные. Различия в языках отдельных групп у сибирских народов столь существенны, что формирование государственных структур и этнического самосознания началось у них довольно поздно. Более того, процесс был прерван начавшейся колонизацией края. В этих условиях дохристианская (=дорусская) религия с ее обожествлением и одухотворением природы, шаманскими песнями и бубнами играла и продолжает играть важную роль в поддержании самосознания аборигенных народов Сибири и Севера.

⁵¹ Акишин М.О. Полицейское государство... С.122.

⁵² Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С.265.